



Научная статья
УДК 34
NIPON: 2022-0089-4/25-328
MOSURED: 77/27-031-2025-04-328
EDN: <https://elibrary.ru/CANPSN>

Идея объективной истины в уголовном процессе: правовая археология и угрозы концептуального рецидива

Давид Исакович Аминов
aminovdi59@mail.ru

Аннотация. Подвергается критическому анализу категория «объективная истина» в уголовном процессе — как с философско-правовой, так и с уголовно-процессуальной точек зрения. Показывается методологическая уязвимость этой категории и ее теоретическая несовместимость с состязательной моделью правосудия. Особое внимание уделяется положениям ст. 17 УПК РФ, в которых, по мнению автора, законодатель предпринял неудачную попытку уйти от прямого упоминания объективной истины, сохранив при этом ее латентное присутствие. Предлагается концептуальная альтернатива, основанная на признании процессуального равновесия, презумпции недоказанности и идее справедливого (а не «истинного») разрешения уголовного дела. Делается вывод о необходимости нормативной и методологической трансформации процессуального мышления в духе правовой скромности, эпистемологического реализма и гуманистической уголовной политики.

Ключевые слова: объективная истина, состязательность, уголовный процесс, ст. 17 УПК РФ, судебное познание, правовая методология, уголовная политика

Для цитирования: Аминов Д. И. Идея объективной истины в уголовном процессе: правовая археология и угрозы концептуального рецидива // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 4. С. 12–15.

Original article

The idea of objective truth in criminal proceedings: legal archaeology and the threat of conceptual recidivism

David I. Aminov
aminovdi59@mail.ru

Abstract. The category of «objective truth» in criminal proceedings is being critically analyzed, both from a philosophical and legal and from a criminal procedural point of view. The methodological vulnerability of this category and its theoretical incompatibility with the adversarial model of justice are shown. Special attention is paid to the provisions of art. 17 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in which, according to the author, the legislator made an unsuccessful attempt to avoid directly mentioning objective truth, while maintaining its latent presence. A conceptual alternative is proposed based on the recognition of procedural balance, the presumption of lack of evidence, and the idea of a fair (rather than «true») resolution of a criminal case. The conclusion is drawn about the need for a normative and methodological transformation of procedural thinking in the spirit of legal modesty, epistemological realism and humanistic criminal policy.

Keywords: objective truth, competitiveness, criminal procedure, art. 17 of the Code of Criminal Procedure, judicial cognition, legal methodology, criminal policy

For citation: Aminov D. I. The idea of objective truth in criminal proceedings: legal archaeology and the threat of conceptual recidivism. Forensic science and research. 2025;(4):12–15. (In Russ.).

Истина — как солнце: смотреть в нее прямо
невозможно, но она освещает путь.

Жюль Мишле

Среди тех категорий, чье философско-правовое содержание остается неоднозначным и вызывающим затруднения в правоприменении, особое место занимает такая правовая категория как «объективная истина». Вопрос о ее необходимости, достижимости и легитимности как методологического ориентира доказывания разделяет научную мысль и судебную практику на два непримиримых лагеря. Одни, отстаивая

идею объективной истины, связывают ее с нравственной миссией правосудия — стремлением к познанию подлинной сущности содеянного. Другие, напротив, подчеркивают, что судебное познание неизбежно ограничено: оно опосредовано процедурой, подчинено правилам допустимости доказательств и не может претендовать на онтологическую полноту. С этой позиции судебная истина — всегда конструкция, инструмент, но не абсолют.

Однако обе упомянутые позиции порождают серьезные издержки, как в теории, так и в практике уголовного судопроизводства. В частности, абсолю-

© Аминов Д. И., 2025



тизация «объективной истины» зачастую приводит к произвольному расширению пределов доказывания, к стремлению следователя «раскрыть всю правду», выходящую за рамки конкретного обвинения¹. В судебной практике это проявляется в формализации обвинительного уклона, где суд, полагая себя носителем истины, не ограничивает себя оценкой доказательств, представленных сторонами, а активно вмешивается в процесс установления обстоятельств дела. Подобные примеры прослеживаются, в частности, в делах, где суд выходил за пределы предъявленного обвинения, например, постановления Верховного Суда РФ по делам с переквалификацией действий обвиняемого без соответствующей инициативы стороны обвинения).

С другой стороны, отказ от категории «объективной истины» в пользу формулировки ч. 1 ст. 17 УПК РФ — «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» — тоже чреват опасностями. Такая конструкция, подчеркивающая автономию суда, но умалчивающая о природе и критериях истины, приводит к релятивизму, когда внутреннее убеждение судьи фактически становится единственным мерилom истины. В практике это ведет к произвольным выводам, маскируемым под «убедительное» восприятие представленных доказательств, особенно в делах, где отсутствует состязательность или защита ощутимо слаба.

Формулировка ст. 17 УПК РФ, провозглашающая, что суд, прокурор, следователь и дознаватель должны принимать меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, лишь подчеркивает амбивалентность подхода: с одной стороны, закон формально дистанцируется от прежней доктрины объективной истины, а с другой — фактически сохраняет ее нормативную риторику. Такая непоследовательность создает методологический диссонанс, вводит в заблуждение правоприменителя и оставляет широкое пространство для произвольного толкования.

При всем отмеченном особое неприятие вызывает использование в тексте ст. 17 УПК РФ термина «совесть». Категория «совести» в праве — это ненаучный анахронизм, философски некорректный и

юридически неприменимый критерий, особенно в условиях высокого уровня коррумпированности должностных лиц, институциональной патологии и многочисленным проявлениям утраты нравственного горизонта в профессиональной среде.

При всем отмеченном, простая замена термина «совесть» на «объективную истину» — столь же опасна, поскольку маскирует собой идеологическую диктатуру под видом всеобъемлющей чистоты. Под ее вывеской может скрываться обвинительный уклон, давление на суд, подмена процесса результатом. Все названное подводит вполне закономерную основу под некий *третий* путь, который должен быть:

- ♦ юридико-философски обоснован;
- ♦ технологически применим;
- ♦ концептуально честен.

И теория, и практика уголовного процесса предлагают многочисленные примеры, иллюстрирующие как риски догматического следования идее объективной истины, так и ущербность полного отказа от нее. В первом случае под предлогом достижения истины могут игнорироваться принципы состязательности, презумпции невиновности и допустимости доказательств. Во втором — правосудие рискует превратиться в ритуал формальной оценки представленных стороной доказательств, отрываясь от реального смысла и сути происходящего. Таким образом, обе крайности в равной мере могут подрывать доверие к суду, а также нарушать баланс интересов. Все перечисленное явно не способствуют достижению справедливого результата.

В связи с указанным особую значимость приобретает вопрос: какова позитивная альтернатива данной дихотомии? Ответ, по-видимому, следует искать в изменении редакции ст. 17 УПК РФ, которая должна быть не декларативной, а функциональной — не копировать советские представления о сущности дока-

¹ Анализируя все «за» и «против», касающихся сути извечного спора между сторонниками и противниками использования категории «объективная истина» в уголовном процессе, автор не смог преодолеть искушения привести высказывание видного ученого процессуалиста и большого адепта отечественной уголовной политики — Генриха Михайловича Миньковского, делившего в стенах Академии МВД СССР с учениками (среди которых был и автор) своими сомнениями. Суть этих сомнений заключалась в следующем: а следует ли тратить при проведении предварительного следствия весьма значительные временные и людские ресурсы, отрабатывая все без исключения эпизоды по сложным уголовным делам. На взгляд Г. М. Миньковского называть это оправданным нельзя, поскольку на квалификацию и наказание виновных это никак не сказывается.



звания, а соответствовать современному пониманию правосудия как гарантированной законом процедуры справедливого разбирательства. Такая редакция может звучать следующим образом:

«Участники уголовного судопроизводства — суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны действовать в рамках закона, обеспечивая условия для всестороннего и беспристрастного исследования обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела, с соблюдением принципов презумпции невиновности, допустимости доказательств и состязательности сторон. Целью разбирательства является правовая оценка обстоятельств, доказанных в установленном порядке».

Подобная формулировка избавлена от мифологемы «объективной истины», но сохраняет направленность на добросовестное и справедливое выяснение обстоятельств дела, подчиненное процедуре и праву. Она избавляет правоприменителя от неопределенности и вводит его в пространство юридически оформленных ориентиров, где первостепенное значение приобретают не метафизические категории, а процессуальные гарантии.

Мотивированная трансформация положения ст. 17 УПК РФ требует системной поддержки — как со стороны научного сообщества, так и правотворческих институтов. Расширение аргументации в пользу предлагаемой редакции предполагает обращение к компаративному анализу: в уголовных процессах стран континентальной Европы и англосаксонской традиции давно ушли от идеи познаваемой истины как цели судопроизводства. Там акцент сделан на проверяемости, допустимости и достаточности доказательств, а задача суда состоит не в реконструкции некой «объективной реальности», а в разрешении конфликта в правовом поле с соблюдением процедурных стандартов. Более того, правовые системы и целого ряда других зарубежных стран исходят из того, что справедливость судебного разбирательства измеряется не полнотой реконструкции события, а соблюдением равенства сторон, презумпции невиновности и правовой определенности.

Такой подход лишен догматического максимализма, присущего риторике объективной истины, и позволяет избежать произвольного вмешательства государства в доказательственную деятельность. Он ориентирует суд не на поиски недостижимого абсолютного знания, а на проверку того, насколько убе-

дительно и допустимо сторона обвинения (или защиты) обосновала свои доводы. Тем самым реализуется гуманистический, правозащитный и прагматичный подход к сущности правосудия.

Для обеспечения согласованности предлагаемых изменений необходимо внести поправки и в другие дефиниции УПК РФ. Речь прежде всего о ст. 88, 89, 299, 302 и 307, где в той или иной форме сохраняется указание на «объективность» оценки доказательств. Следует отказаться от словоупотребления, порождающего иллюзию доступа к онтологической истине, и заменить его терминологией, указывающей на допустимость, надежность, согласованность и проверенность доказательств в контексте состязательного судопроизводства.

В целом предлагаемая концепция ориентирована на укрепление доверия к суду, снижение произвольности решений и формирование такой уголовной политики, в которой справедливость выступает не в виде умозрительной истины, а как результат законной процедуры. Только при таком подходе возможно примирение теории и практики, гуманистических ценностей и правовой определенности. В этом и состоит реальная цель правосудия — не в абстрактной истине, а в справедливом разрешении конкретных человеческих судеб.

Предлагаемое решение: переход к категории «процессуально верифицируемой правды» (или «доказательной добросовестности»). Что это такое? Это не объективная истина, и не совесть, но проверяемая, достоверная, достигнутая в состязательном порядке совокупность фактов, признанная правомерно добытыми и допустимыми. Это правда, как процесс, а не как абсолютизированная субстанция.

Далее следует обратить внимание на *три* столпа такой модели.

1. Процессуальная прозрачность:

♦ каждое доказательство — подлинно проверено в суде;

♦ каждый шаг следствия — под контролем защиты;

♦ активная защита — не только право, но обязанность (и при бездействии адвоката по назначению должна быть предусмотрена система компенсации и повторного пересмотра).

2. Добросовестность доказывания:

♦ ключевой критерий — *не то, что доказано, а как это доказано*;



♦ доказательства, полученные в условиях давления, фальсификации, с нарушением прав — недопустимы по определению;

♦ дознаватель, следователь, прокурор и судья обязаны обеспечить проверку не «истины», а доказательственной добросовестности.

3. Состязательная корректность:

♦ процесс как арена, где истина конституируется в результате столкновения аргументов, а не преподносится как чье-либо априорное «знание»;

♦ равенство сторон — не фикция, а гарантированный инструмент достижения справедливости;

♦ активность суда допустима только в пределах охраны баланса, но не в доказательственной инициативе.

Как это сформулировать нормативно? Вместо фикций вроде совести или философской истины, в УПК РФ можно сформулировать ст. 17 УПК РФ в следующей предлагаемой автором редакции (фрагмент): *«При оценке доказательств дознаватель, следователь, прокурор и суд исходят из закона, принципа допустимости и достоверности доказательств, добросовестности их получения, а также состязательной проверки в условиях обеспечения равноправия сторон. Решения по делу выносятся на основе верифицированных, проверенных в установленном законом порядке фактических данных, представленных в совокупности доказательств, прошедших процессуальную проверку и признанных судом допустимыми и достоверными».*

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что правосудие, которое опирается на «совесть», рискует быть подчинено нравственному релятивизму; правосудие, которое ищет «объективную истину», склонно впасть в догматическую слепоту. Но правосудие, которое ищет **доказательно верифицируемую правду**, сохраняет достоинство человека, природу состяза-

тельности и гарантию справедливости как формы уважения к личности.

И наконец, истина в уголовном процессе — это не то, что есть на самом деле, а то, что доказано в соответствии со всеми без исключения требованиями (в соответствии с «духом» и «буквой») предписаний закона, все остальное — от лукавого.

Библиографический список

1. Александров А. С. О значении концепции объективной истины // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 24.
2. Билалов М. И. Многообразие форм существования истины в совокупном познании: дисс. ... д-ра философ. наук. М., 1991.
3. Мизулина Е. Б. Независимость суда еще не есть гарантия правосудия // Государство и право. 1992. № 4. С. 53.
4. Пашин С. А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. М., 1995.
5. Строгович М. С. Материальная истина и доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.

Bibliographic list

1. Alexandrov A. S. On the meaning of the concept of objective truth // Russian justice. 1999. No. 1. P. 24.
2. Bilalov M. I. The variety of forms of the existence of truth in total cognition: diss. ... doctor of philosophical sciences. M., 1991.
3. Mizulina E. B. The independence of the court is not yet a guarantee of justice // State and law. 1992. No. 4. P. 53.
4. Pashin S. A. Problems of evidentiary law // Judicial reform: legal professionalism and problems of legal education. Discussions. M., 1995.
5. Strogovich M. S. Material truth and evidence in the Soviet criminal process. M., 1955.

Информация об авторе

Д. И. Аминов — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

D. I. Aminov — Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 31.07.2025; одобрена после рецензирования 07.08.2025; принята к публикации 14.08.2025.

The article was submitted 31.07.2025; approved after reviewing 07.08.2025; accepted for publication 14.08.2025.